

С. МИХАЙЛОВ

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ ВЕЛИКАН

**С. Михалков. Самый
главный великан**

«Издательство АСТ»

2013

С. Михалков. Самый главный великан / «Издательство АСТ»,
2013

Книга посвящена 100-летию со дня рождения С.В. Михалкова, поэта, общественного деятеля, автора гимнов СССР и России. О нем говорят его дети и внуки, друзья семьи, коллеги-писатели, актеры и режиссеры, художники, историки и журналисты... Издатели и составители надеются, что сборник этих очерков приблизит к нашим современникам фигуру Сергея Михалкова, человека необычного и даже загадочного в своей многогранной одаренности.

, 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

«Я – писатель Михалков...»	6
Из книги «Я был советским писателем»[1]	6
Из книги «Что такое счастье»[3]	26
Дары судьбы	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Составление Л. Салтыковой, В. Максимова С. Михалков. Самый главный великан

В книге использованы фотографии из семейного архива С.В. Михалкова, а также работы Ю. Аракчеева, С. Берменьева, Н. Кочнева, В. Рапопорта.

Издательство благодарит за предоставленные материалы М. Степанову

«Я – писатель Михалков...»

Из книги «Я был советским писателем»¹

Я, гражданин бывшего Советского Союза, бывший советский писатель Сергей Владимирович Михалков, родился в царской России, в городе Москве тринадцатого марта (двадцать восьмого февраля по ст. ст.) 1913 года. Первые свои шаги сделал в доме № 6 по улице Волхонке, что неподалеку от Кремля. В старом справочнике московских домовладельцев сказано: «Волхонка. Дом № 6. Домовладелец Сергей Владимирович Михалков (брат моего деда). Строительная контора С. Маршак». Странное предзнаменование, связавшее эти две фамилии спустя двадцать лет!

Помню, как няня Груша водила меня гулять в Александровский сад, к храму Христа Спасителя... Но прежде несколько слов о моем отце.

«Владимира Александровича Михалкова я знаю в течение двадцати лет. Судьбе было угодно за это время сталкивать нас в самых разнообразных жизненных положениях. Я был его учителем, добрым знакомым, поверенным в делах и, наконец, подчиненным. Владимир Александрович глубоко порядочный человек, неутомимый работник, весьма опытный и талантливый администратор. Я совершенно уверен в том, что Владимир Александрович будет ценнейшим работником у Вас в Управлении».

Я держу в руках пожелтевшую от времени служебную записку, датированную тридцать первым марта 1923 года, и память воскрешает образ моего отца, не дожившего даже до своего пятидесятилетия. Умер он в городе Георгиевске на Северном Кавказе от крупозного воспаления легких двадцать четвертого декабря 1932 года. Были бы тогда, в начале тридцатых годов, на вооружении нашей медицины антибиотики, может, и дожил бы до наших дней этот полный творческой энергии, целеустремленный и бесконечно преданный своему любимому делу человек.

Когда я думаю об отце, мысль невольно ведет меня в более отдаленное прошлое. Хочется вспомнить об отце отца, о дедах, прадедах, пращурах. На ум приходят пушкинские строки «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам», за которыми – мысль поэта о том, что каждый человек должен быть равнодушен к истории своей семьи, своего рода, знать, какое участие принимали его предки в истории Отечества.

Со временем это побудило меня заинтересоваться моей родословной. Оказалось, что в различных архивах нашей страны хранится большое количество старинных документов Михалковых.

Михалковы – древний русский род, ведущий свое начало, согласно старинному преданию, из Литвы. Как известно, в XIV веке западные русские земли оказались под властью великого княжества Литовского. В XV веке многие русские жители этого края, избегая притеснений со стороны литовских феодалов, не желая переходить в католичество, растворяться в чужой им этнической среде и терять свою принадлежность к русскому народу, переселялись на Русь – в Москву, Тверь и другие города.

Выехал в первой половине XV века из Литвы в Тверь, на службу к великому князю Ивану Михайловичу Тверскому, и некто Марк Демидович. От его потомков Киндыревых «ответвились» Михалковы.

---

¹ С. Михалков. Я был советским писателем. – М.: Издательство «ИН-СОФТ», 1992.

«Михалковы в свойстве с Шестовыми, родом Великой Старицы Марфы Ивановны, матери Царя Михаила Федоровича. Первым «постельничим» вновь избранного Царя был человек ему не сторонний, а именно Михалков.

Связи Михалкова с Шестовым не объясняют ли этот выбор, так как постельничие были люди Царям не чужие».

Так записано в сборнике «Старина и новизна» (книга XVII, 1914 г.).

Боковые ответвления генеалогического древа рода Михалковых ведут к ближайшим родственным связям с Толстыми и к дальним... выходят к Янковским (к Н.В. Гоголю).

В разное время Михалковы проявляли себя на самых разных поприщах военной и государственной службы. Многие из них пролили свою кровь в боях за Отечество, иные оставили о себе память как видные деятели русской культуры.

В допетровские времена были среди Михалковых и простые воины, и «служилые люди», и в разных чинах «люди начальные».

Первый постельничий молодого царя Михаила Федоровича – Константин Иванович Михалков – был наместником трети Московской (умер в 1628 г.).

Федор Иванович Михалков служил воеводой в Романове, Тотьме и Чебоксарах. В Смутное время, в годы иноземного нашествия на Русь, он, по выражению тех времен, «не покривил» и сохранил верность Отечеству, за что ему в 1613 году «за службу против польских и литовских людей» и за «московское сидение» была пожалована вотчина «по приговору» боярина князя Дмитрия Трубецкого и князя Дмитрия Пожарского.

В Государственном Историческом музее в Москве, Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, Государственном архиве Ярославской области, в ряде других архивов России, в том числе и в ЦГАЛИ, хранится большой семейный архив Михалковых (грамоты, челобитные, около 14 тысяч листов семейной переписки от середины XVII до начала XX века). По этим документам можно проследить жизненный путь многих представителей древнего русского рода. В г. Рыбинске, рядом с которым в селе Петровское была усадьба моих предков, есть музей, почти полностью состоящий из предметов, когда-то принадлежавших нашему роду. Так вот в запасниках этого музея обнаружены иконы, которые являют собой духовную ценность нашей семьи. Думаю, особый интерес представляют две иконы, а именно: «Спас Нерукотворный» и «Богородица Владимирская».

На обороте первой иконы написано: «Сим образом благословил сына своего Сергей Владимирович Михалков двадцать девятого августа 1881 года. Этот образ принадлежал стольнику и постельничему Константину Михалкову – четвероюродному брату царя Михаила Федоровича Романова».

На обороте второй иконы есть надпись чернилами: «Сим образом благословили служителя своего Феофана Григорьева г-н Сергей Владимирович Михалков и супруга его Мария Сергеевна Михалкова в 1830 году апреля двадцать седьмого дня, а написан оный образ около 1650 года прадедушкой Сергея Владимировича Михалкова Петром Дмитриевичем Михалковым, что в Петровском близ Рыбинска».

Даже в лихие годы октябрьского переворота, когда национализировалось имущество владельцев усадеб, единственное, что им оставляли, – это духовную ценность, семейные иконы. Полагаю, что данным иконам не место в запаснике краеведческого музея: они должны находиться в нашей семье и переходить по семейной линии от поколения к поколению. У меня есть дети, внуки и даже правнуки, и я хотел бы, чтобы жизнь их была освящена той духовной Верой, которую несли семейные иконы их славным предкам.

Как пример служения нашему Отечеству можно привести судьбу Дмитрия Васильевича Михалкова, умершего в 1684 году. За свою сорокалетнюю службу Отечеству этот русский воин участвовал во многих походах во время русско-шведской и русско-польской войн середины XVII века. В неудачном для России Конотопском сражении 1659 года был тяжело ранен. «И

на том Конотопском бою в приход хана Крымского, – пишет своей рукой Д.В. Михалков, – я... тяжело ранен саблею великою раною – больше половины пересечена шея на великую... силу и голова на плечах удержалась». Несмотря на тяжелое ранение, воин оставался в строю и вновь был ранен во время жарких боев между русскими войсками и татарской армией везира Кара-Мустафы под Чигирином летом 1678 года.

Продолжали Михалковы служить Родине в разных армейских чинах в допетровское и послепетровское время.

В эпоху Петра в знаменитый Семеновский полк был записан солдатом Петр Дмитриевич Михалков. В этом полку он, как гласит документ о его отставке, «во всех походах был везде безотлучно» и вышел в отставку в 1715 году в чине подпоручика.

Мой прапрадед, Сергей Владимирович Михалков (1789–1843), прошел путь в Семеновском полку от унтер-офицера до подпоручика, отличился в сражениях против наполеоновских войск под Аустерлицем в 1805 году, при Фридланде в 1807 году, за что был награжден боевыми орденами России.

Заметный след в истории русской культуры оставил его сын и мой прадед, действительный статский советник Владимир Сергеевич Михалков (1817–1900), женатый на княжне Елизавете Николаевне Голицыной. Он блестяще окончил в 1839 году Дерптский университет. В архиве этого университета (г. Тарту) до сих пор хранится его конкурсное сочинение на тему «Об американской системе наказания», удостоенное золотой медали. Высокообразованный человек, он посвятил себя деятельности на ниве народного образования, приобрел широкую известность как крупный коллекционер и владелец одной из лучших частных библиотек России.

«Достигнув преклонного возраста, желая не только сохранить свое собрание, но и представить его в общественное пользование, В.С. Михалков позаботился о его будущем и сделал соответствующие завещательные распоряжения», – писала рыбинская «Верхневолжская правда» (двенадцатого октября 1986 года) в статье «Село Петровское и его обитатели», сопровождая статью портретом моего прадеда.

Мой дед, Александр Владимирович Михалков, штаб-ротмистр Кавалергардского полка, страдал душевным заболеванием, связанным с потрясением после смерти жены, и потому сам он был в отставке, а имущество его под опекой. Опекуном был назначен генерал-лейтенант В.Ф. Джунковский. Будучи в должности товарища министра внутренних дел, Джунковский снискал уважение в революционных рабочих кругах, и когда в первые послереволюционные годы он был арестован Чека, делегация рабочих добилась его освобождения. Последние годы своей жизни Джунковский был церковным старостой в одном из приходов Москвы. В тридцать седьмом году его вновь арестовали, и он разделил участь многих представителей своего класса. В.Ф. Джунковский был моим крестным отцом.

Мой отец, Владимир Александрович Михалков, получил образование на юридическом факультете Московского университета. Он выполнил волю своего деда, и родовая библиотека в 1910 году волилась в основной фонд Библиотеки Академии наук в Петербурге, где и хранится по сей день.

Помню себя ребенком в родовом имении Назарьево под Москвой. Я стою с няней возле дома, а отец со второго этажа бросает мне красивую конфету – «Чернослив в шоколаде».

Помню октябрьские дни семнадцатого года, когда с улицы доносилось «Вихри враждебные веют над нами» и мама уводила детей в комнаты с окнами, выходящими во двор.

Помню усатого городского Петра Васильевича с «сеledкой» на боку, навещавшего нашу квартиру по престольным праздникам. Ему подносили чарку.

Помню себя в имении Ольгино в Амбросиевске, области войска Донского. В комнате пахнет персиками, разложенными по всему полу большой комнаты с выходом в сад, и охрану из донских казаков.

До сих пор целы и находятся под охраной государства могилы моих предков: прадеда, прабабки и брата прадеда, похороненных возле Назарьевского храма. Храм, до сих пор не восстановленный, занят под всевозможные бытовые службы, а сам дом усадьбы вошел в комплекс санатория им. Куйбышева. Я недавно отдыхал в этом санатории и гулял по тем же дорожкам, по которым когда-то бегал в коротких штанишках.

Мне было одиннадцать лет, когда умер В.И. Ленин. Спустя пятнадцать лет, в 1939 году, мне был вручен в Кремле первый орден Ленина...

* * *

В первые годы становления советской власти разрушенное народное хозяйство страны нуждалось в помощи образованных специалистов – представителей русской интеллигенции.

Мой отец оказался в их числе. Энергичный, деловой и дальновидный человек, начав фактически с нуля, отец стал впоследствии одним из основоположников промышленного птицеводства страны. В 1932 году ему была предложена кафедра профессора в Воронежском сельскохозяйственном институте. Он дал согласие, но в Воронеж переехать не успел. В том же году он умер в г. Георгиевске от воспаления легких.

Двадцать шестого декабря 1986 года в Тимирязевской сельскохозяйственной академии состоялось юбилейное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения известного ученого-птицевода В.А. Михалкова.

* * *

1925-й год.

Мне двенадцать лет. Я хожу по домам подмосковного поселка Жаворонки и предлагаю приобрести брошюру под названием «Что нужно знать крестьянину-птицеводу». Брошюра издана Книгосоюзом. Автор ее – мой отец.

Человек по своей натуре масштабный и инициативный, он был одержим идеей перестройки мелкого крестьянского птицеводства в крупное государственное. Уже вторая книга отца называлась: «Почему в Америке куры хорошо несутся?»

Однажды мы получили из-за границы, кажется, из Лондона, оригинальную посылку: в ней лежал упакованный в вату десяток крупных яиц. Яйца поделили между курами-наседками. Три яйца оказались «болтунами», зато из остальных вывелись... утята! Это были предвестники ставшей потом столь популярной у нас в стране породы яйценосных уток «индийский бегун», ярым поклонником и пропагандистом которых был мой отец.

Вспоминается и другой семейный случай, на этот раз характеризующий моральные устои моего отца. Мне, тринадцатилетнему юнцу, посчастливилось выиграть в лотерее московского ГУМа... бутылку портвейна! Гордый своей удачей, я вернулся домой и простодушно протянул ее отцу:

– Это тебе, папа!

– Где ты ее взял? – спросил отец.

– Выиграл в лотерее!

Отец молча вышел во двор, на моих глазах отбил горлышко бутылки об угол мусорного ящика и, вылив вино на землю, спокойно, но веско сказал:

– Никогда не играй! Запомни!

И я на всю жизнь запомнил...

* * *

Моя мать, Ольга Михайловна Михалкова, урожденная Глебова. Ее предки тоже служили на военной и государственной службе, активно участвовали в походах и войнах, которые приходилось вести России. Достаточно вспомнить прадеда моей матери. Михаила Петровича Глебова (1789–1852), участника Отечественной войны 1812 года, заслужившего в сражении при Гельсберге двадцать девятого мая 1814 года золотое оружие с надписью «За храбрость». Женщина безгранично добрая, мягкая и беззаветно преданная семье, она в прошлом была сестрой милосердия, некоторое время учительствовала, а затем целиком посвятила себя мужу и детям. Семья наша жила очень скромно – всегда на что-то недоставало денег, и матери хватало забот: надо было воспитывать меня и моих младших братьев, Александра и Михаила, помогать отцу в его неутомимом изобретательстве всевозможных механических кормушек и других приспособлений для разведения домашней птицы. Большую часть своих гонораров за книги отец тратил на осуществление своих изобретений.

За заслуги отца мать получала персональную пенсию. Умерла мама в Москве, в 1943 году.

* * *

Писать стихи я начал рано. Мне было немногим больше десяти лет, когда беспризорники, проникшие в нашу квартиру, похитили шкатулку с моими «сокровищами», среди которых, вместе с перочинным ножом и рогаткой, хранилась общая тетрадь с начисто переписанными первыми моими стихотворениями.

В 1945 году, в Горьком, после моего выступления в зале Горьковской филармонии знавшая когда-то нашу семью А.Н. Румянцева передала мне бог весть как сохранившиеся у нее восемь моих стихотворений, датированных 1924–1925 годами. Была среди них и моя первая басня. Она заканчивалась моралью:

Мораль сей басни такова:
Что много тех людей на свете белом,
Которым надо рассказать,
Что людям лучше помогать
Не только словом, но и делом.

Жили мы тогда круглый год в Подмоскovie на даче, принадлежавшей неким Яковлевым, занимая первый этаж дома, одиноко стоявшего в запущенном парке. Ходить в школу было далеко, и потому первоначальное образование я получил в семье.

Рядом с дачей Яковлевых в небольшом флигеле жила семья, с которой мы дружили. Мы не знали, чем занимаются наши соседи, возвращающиеся порой ночью из города. Время было беспокойное, полное всевозможных слухов. Однажды осенней ночью дача и флигель были неожиданно окружены вооруженными людьми, а соседи арестованы. Они оказались членами преступной банды, орудовавшей в Москве.

Кто-то из знакомых порекомендовал родителям взять для присмотра за детьми оставшуюся без работы прибалтийскую немку. Эмма Ивановна Розенберг вошла в нашу семью и с присущей ей немецкой педантичностью взялась за воспитание своих подопечных. Я с душевной теплотой вспоминаю эту сухопарую, жилистую старую деву, заложившую в мой характер основы самодисциплины и обучившую меня немецкому языку настолько, что я еще в детстве мог свободно в первоисточнике читать Шиллера и Гете. Не прошли мимо меня и приключен-

ческие романы немецкого автора Карла Мая. Я зачитывался ими при свете карманного фонаря, накрывшись с головой одеялом, в те часы, когда детям было положено спать.

Не обошлось в моем домашнем воспитании и без сельского священника. Две зимы кряду наезжал к нам на своей лошадке три раза в неделю молодой о. Борис, он же Борис Васильевич Смирнов (впоследствии был арестован и расстрелян). В его задачу входило преподавать мне основы географии, истории и русского языка.

По своей инициативе он попытался было занять меня и Законом Божьим, однако старания его были безуспешны, ибо «агитки» Демьяна Бедного начисто вытеснили из моей головы и Новый, и Ветхий Заветы.

В обычную школу я пошел с четвертого класса, после переезда семьи в Москву.

Я читал Маяковского, Есенина, Демьяна Бедного в газете «Копейка». Влияние именно этих поэтов наиболее сильно сказалось на моих детских поэтических опытах. Но больше всего я любил сказки Пушкина, басни Крылова, стихи Лермонтова и Некрасова.

Коротая вечера, я выпускал домашний «литературно-художественный» журнал, будучи одновременно и редактором, и художником, и единственным автором этого издания. Читателями моего журнала были домашние и ближайшие родственники, посещавшие нас.

Приведу одно их стихотворений, «опубликованных» в моем «журнале».

РЕКА

Как змея извиваясь
Меж крутыми берегами,
Течет речка в озера
Голубыми водами.

По берегам растут ивы,
Что раскинули ветки,
Посредине же речки
Рыбаки тащат сети.

Ее воды прозрачны.
Дно песчано, глубоко.
По берегам же местами
Растет кучкой осока.

Верхоплавки играют.
Щуки ходят кругами,
Течет речка в озера
Голубыми водами.

Отец без моего ведома послал несколько стихотворений на отзыв известному московскому поэту Александру Безыменскому.

«У мальчика есть способности. Однако трудно сказать, будет ли он поэтом. Могу только посоветовать: пусть больше читает и продолжает писать стихи», – гласил ответ.

Домашние публикации меня не удовлетворяли. Я мечтал напечататься по-настоящему.

Сочинив однажды в стихах «Сказку про медведя», я переписал ее печатными буквами и направился в одно из московских издательств. Оно помещалось в небольшом особняке под № 7 по Гоголевскому бульвару. Это было частное издательство Мириманова, выпускавшее детские книжки. Волнуясь, вошел я в помещение, в котором приятно пахло типографской краской.

Меня провели к «самому главному». Маленький щуплый старичок с козлиной бородкой, в толстовке, принял меня как настоящего автора. Он предложил мне сесть, мельком просмотрел рукопись и попросил оставить на несколько дней. На прощанье он протянул мне три рубля. Это был мой первый денежный аванс! Надо ли рассказывать, что я, выйдя за ворота, тут же оставил его у моссельпромщицы, торговавшей с лотка ирисками и соевыми батончиками. А спустя неделю я держал дрожащими пальцами напечатанный на издательском бланке ответ, в краткой, но убедительной форме отклонявший мою рукопись как непригодную для издания. Письмо было адресовано мне, однако сперва случайно попало в руки отца. Он не обратил внимания на инициалы адресата и вскрыл его. Не разобравшись, отец принял ответ издательства на свой счет – он как раз ждал письма из какого-то журнала, куда послал свою статью.

Сколько еще подобных отказов получил я из разных редакций, пока наконец в июльской книжке журнала «На подъеме» за 1928 год (г. Ростов-на-Дону) не появились мои первые «настоящему» напечатанные стихи!

ДОРОГА

Черный ветер гнет сухой ковыль.
Плачет иволгой и днем и ночью,
И рассказывают седую быль
Зеленеющие бугры и кочки.
Гнутся шпалы, опрокидываясь вдаль,
Убегая серыми столбами.
И когда мне ничего не жаль,
Кочки кажутся верблюжьими горбами.

«Очень не восхищайтесь, учитесь работать и шлите нам свои стихи», – писал мне, пятнадцатилетнему начинающему поэту, секретарь редакции, высылая в Пятигорск номер журнала (к этому времени наша семья переехала из Москвы в Пятигорск).

Город мой, Пятигорск!
Мой приветливый город
Руки к солнцу простер,
Украшая Кавказ.
И не зря говорят:
Ты и близок и дорог
Тем, кто видел тебя
Хоть один только раз!
Город мой, Пятигорск!
Это в сумраке синем
Неподвижный орел
На заветной скале.
Здесь великий поэт —
Сын великой России —
В смертный час остывал
На горячей земле!
Пятигорск, Пятигорск!
Ставрополье родное!
Золотые дубы на груди Машука,
Строгий профиль Бештау —

Вы повсюду со мною,
Память сердца о вас
Глубока и крепка!

Как я уже упоминал, в 1927 году Терселькредсоюзом на постоянную работу была приглашена из Москвы группа специалистов-птицеводов. Одним из первых откликнулся на этот призыв мой отец. Думаю, что он оставил Москву не без умысла: лучше было быть подальше от органов, следящих за «бывшими».

Мы поселились на окраине Ново-Пятигорска, в небольшом одноэтажном, сложенном из самана доме № 231 по Февральской улице, в непосредственной близости от ипподрома.

Большой знаток и любитель лошадей, отец брал нас – меня и моих братьев, Михаила и Александра, – по воскресеньям на скачки. В высоких желтых сапогах и в таком же желтом кожаном картузе, он сам ходил скорее на заядлого «лошадника», чем на птицевода. Общительный и веселый, не терпящий никакой грубости в обращении, взыскательный к себе и другим, он всегда был окружен единомышленниками и учениками.

– Мне бы и в голову не пришло поехать работать на Терек, да разве устоишь, если Владимир Александрович приглашает?! – признался мне много лет спустя верный друг моего отца, зоотехник-селекционер И.Г. Зайцевский.

Отец целыми днями пропадал на птицефермах, на организованной им в первой в СССР инкубаторно-птицеводческой станции, в командировках по Терскому краю. В свободное время он изобретал, писал. Наибольшей известностью у птицеводов пользовались его работы: «Чем хороши и почему доходны белые леггорны», «Предварительное кормление яйценосных кур», «Что такое пекинская утка и какая от нее польза», «Новые пути кооперирования птицеводства», «Разведение уток, гусей, индеек» и другие популярные брошюры. Менее чем за десять лет было опубликовано около тридцати его работ.

Много лет спустя в журнале «Птицеводство» (№ 10, 1967 г.) я в числе ветеранов советского птицеводства увидел имя отца:

«В конце двадцатых годов Владимир Александрович переехал в г. Пятигорск, он стал работать в окружном животноводческом кооперативном союзе. Человек, обладавший исключительной творческой энергией, постоянным стремлением принести максимальную пользу, он не жалел времени и сил для внедрения в практику всего нового, прогрессивного, передачи своих знаний и опыта молодым специалистам. Его деятельность оставила заметный след в развитии птицеводства в Ставропольском крае...»

В 1966 году решением исполкома Пятигорского городского Совета депутатов трудящихся мне было присвоено звание «Почетный гражданин города Пятигорска», а в 1981 году – звание «Почетный гражданин города Георгиевска». Эти звания я мысленно делю сегодня со своим отцом.

Благосклонно относясь к моим литературным упражнениям, отец предложил мне как-то написать десяток четверостиший для сельскохозяйственных плакатов, посвященных птицеводству, автором которых он являлся. Я охотно выполнил заказ. Четверостишия, прославлявшие птицеводов и агитирующие за современные методы птицеводства, были опубликованы. Отец крепко пожал мне руку, и это рукопожатие было для меня дороже всякого гонорара.

К тому времени я уже стал автором краевой газеты «Терек», выходявшей в Пятигорске. Первой моей публикацией в этой газете была «Казачья песня» (1929):

Качалась степь осокою.
Гармонь рвала бока...
Казачка черноокая
Любила казака...

Я был зачислен в актив при Терской ассоциации пролетарских писателей (ТАПП), которой руководил в те годы известный на Тереке драматург Алексей Славянский. Это была колоритная фигура. Он ходил в черкеске с газырями, затянутый серебряным наборным поясом, при кинжале, и от всего его облика так и веяло казачьей удаleyю и гражданской войной.

Вспоминаются литературные вечера, на которых читали свои произведения пятигорские литераторы Воробьев, Трумпельдор и другие. Все они были значительно старше меня, чаще публиковались, но, к сожалению, не оставили большого следа в литературе последующих лет.

Многим обязан я моему школьному учителю русского языка и литературы А. Сафроненко, по-отечески поддерживавшему меня в стремлении стать настоящим писателем.

– У нас был Лермонтов, теперь у нас Михалков! – любил он пошутить в нашей школьной аудитории.

Мне не довелось встречаться ни с М. Горьким, ни с В. Маяковским. Потрясенный смертью великого поэта, я написал стихи и послал их в редакцию одной из московских газет с просьбой не высылать мне гонорар. Стихи напечатаны не были.

В 1930 году, по окончании пятигорской школы 2-й ступени имени 25 октября, я решил начать самостоятельную жизнь.

«...Посылаю сына в Москву, чтобы попытаться поставить его на ноги. Его задача получить нужное для писателя образование – путем работы в библиотеке, посещение театров, диспутов и общения с людьми, причастными к культуре. Если в течение года он сумеет двинуться вперед и будут какие-либо надежды, то возможно учение в литературном техникуме, если нет – он поступит на завод рабочим и потом будет учиться по какой-нибудь специальности...» – писал отец в письме своей сестре М.А. Глебовой, проживавшей в столице².

Мне исполнилось семнадцать лет.

– Больше всего ты любишь писать стихи. Пробуй свои силы. Учись дальше. Попробуй вылечиться от заикания. Работай над собой. Может быть, со временем из тебя что-нибудь и выйдет. Но главное, чтобы из тебя вышел человек! – напутствовал он меня, провожая в Москву.

Страдая с детства дефектом речи – заиканием, я никогда не стеснялся своего недостатка. В определенных трагикомических обстоятельствах я так умел обыграть свое заикание, что в школе никому из моих сверстников и в голову не могло прийти посмеяться надо мной

Человек, лишенный чувства юмора, чаще всего обидчив и потому несчастен. Ему трудно жить среди людей. Он мнителен и любую безобидную шутку в свой адрес может воспринять как оскорбление. Зато бесценно свойство человека, умеющего посмеяться над собой. Это я хорошо усвоил с детства.

Полный надежд, готовый преодолеть любые житейские невзгоды, я покинул отчий дом.

* * *

Существовать на литературный заработок было трудно. В течение трех последующих лет я сменил ряд профессий: работал разнорабочим на Москворецкой ткацкоотделочной фабрике, был помощником топографа в геологоразведочной экспедиции в Восточном Казахстане и в изыскательской партии Московского управления воздушных линий на Волге. Мне пришлось

---

² Редкой красоты женщина, Мария Александровна Глебова в молодые годы была замужем за сыном московского губернатора Г. Кристи, имела от него сына. В 1912 году с ней произошла драматическая история. В Новочеркасске были объявлены торжества по случаю трехсотлетия дома Романовых. В город приехал князь Трубецкой – потомок атамана, участвовавшего в выборе царя в 1612 году. Трубецкой приходился Михалковым дядей. В Новочеркасске в поезде, которым приехали гости, произошло следующее: приревновав Трубецкого к своей жене, Кристи застрелил князя в купе спального вагона. Дело замаяли. Мария Александровна развелась с мужем, и тот был вынужден уехать в Бессарабию.

по душе дружная кочевая жизнь геологоизыскателей – жизнь, полная романтических неожиданностей, трудностей и приключений. Но я не оставлял мечты о литературном творчестве.

С 1933 года я стал более или менее часто печататься в столичной периодике. Опубликованная в «Огоньке» песня «Марш эскадрилий» была неожиданно перепечатана «Правдой». К этому времени относится начало моей долголетней дружбы с такими выдающимися мастерами советской эстрады и театра, как Рина Зеленая и Игорь Ильинский. В их исполнении впервые зазвучали со сцены и по радио мои стихи для детей.

Меня зачислили на внештатную работу в отдел писем редакции «Известий». Здесь я впервые встретил ставшего на многие годы моим близким другом молодого, но уже популярного писателя и фельетониста, доброго, умного, талантливого Льва Кассиля. На всю жизнь останется для меня примером этот чудесный человек, один из зачинателей советской детской литературы. Он был вторым браком женат на дочери великого русского певца Леонида Собиннова – Светлане, и в их доме всегда царила неповторимая атмосфера счастья, любви и творчества. Лева Кассиль вел семинары молодых писателей, и многие литераторы должны быть ему благодарны за бесценные советы и помощь.

Молодые поэты и прозаики тридцатых годов выступали на страницах многотиражек, в рабочих и студенческих аудиториях, по командировкам редакций выезжали на новостройки и в колхозы страны. Для меня, как и для многих моих товарищей и сверстников по литературному объединению при журнале «Огонек» (А. Недогонов, Е. Долматовский, Л. Ошанин и др.), равно как и по Литературному институту имени А.М. Горького (К. Симонов, М. Алигер, П. Васильев и др.), стало насущной потребностью творчески откликаться на события времени. Я писал стихи о челюскинцах, о перелете Чкалова, о пограничниках, о событиях в Испании и Абиссинии – обо всем, чем жило тогда наше поколение.

Вслед за первым сборником стихов, выпущенным в библиотечке «Огонька», стали выходить мои книжки, в которых все больше место занимали стихи для детей.

Мои творческие начинания в области детской литературы были замечены. В 1937 году я был принят в члены Союза советских писателей.

* * *

Наступило тревожное время.

Газеты захлебывались гневом и негодованием, клеймя в своих публикациях «врагов народа», «шпионов» и «диверсантов». По стране шли судебные процессы. Навсегда исчезали люди любых профессий. Исчезли поэты – Павел Васильев, Борис Корнилов, Ярослав Смеляков.

Я знал их, дружил с ними. За что их арестовали? Кто следующий? Может быть, и до меня дошла уже очередь, невольно думал я. Думал и боялся, что однажды ночью придут и за мной.

Мы боялись не верить тому, что писали газеты, передавало радио. «Может быть, они действительно в чем-то виноваты?» – утешал я себя, узнавая о новых арестах. Доживи мой отец до 1937-го и последующих лет разгула сталинских, бериевских и ежовских беззаконий, не исключено, что наша семья разделила бы участь многих семей «врагов народа», «вредителей» и «классовых врагов».

Аргументов для расправы над моим отцом по тем временам было бы предостаточно: знание английского языка, книга с подозрительным названием «Почему в Америке куры хорошо несутся?» (а у нас плохо?!), дворянское происхождение – все это могло сыграть трагическую роль в судьбе нашей семьи. Но как говорится, Бог миловал! Пронесло!

1939 год. В противовес арестам публикуется первый Указ правительства о награждении большой группы писателей: Шолохов, Катаев, А. Толстой, Стальский, Фадеев... Среди моло-

дых – Симонов, Алигер, Долматовский... Самуил Маршак и я награждены орденами Ленина. Полная неожиданность! Такой высокий орден начинающему литератору!

Через год мне присуждают Сталинскую премию «за стихи для детей». Еще через год – вторую Сталинскую премию за фильм «Фронтовые подруги». Это ли не «охранные грамоты» по тем временам? Ну, теперь уж не посадят, думал я.

* * *

В отличие от большинства своих соратников, Сталин много читал. Он был в курсе всех литературных событий, принимал личное участие в награждении орденами деятелей литературы и искусства, присуждении премий своего имени. Его непредсказуемые оценки художественных произведений приносили авторам не только поощрения, но и беспощадно-разносную критику в партийной печати, партийных документах. Невозможно было предугадать реакцию Сталина на ту или иную прочитанную книгу, на просмотренный им фильм в кремлевском просмотровом зале. И легко себе представить душевное потрясение тех творцов, которым пришлось испытать на себе и пережить сталинские «проработки». Долгое время они не могли потом прийти в себя, войти в нормальное творческое состояние.

Известно, что не без ведома «Хозяина» попадали в тюремные застенки многие талантливые представители литературы и искусства всех национальностей, навлекшие на себя гнев и недоверие главного вершителя судеб миллионов советских граждан. Зачастую репрессивные санкции против честных и невинных людей принимались с подачи ближайшего окружения вождя. И нетрудно предположить, чем бы в свое время могла завершиться судьба Л. Леонова, М. Булгакова, Б. Пастернака, И. Эренбурга и Ю. Олеси, избежавших Гулага. Подозрительность и коварство Сталина не имели предела...

Но были художники, чье творчество отвечало вкусам Сталина, нравилось ему, и он не обходил их своим благосклонным вниманием, которое могло оказаться и временным. Здесь можно в первую очередь назвать писателей Н. Вирту, А. Толстого, К. Симонова, А. Корнейчука, режиссеров кино М. Чиаурели, Г. Александрова и И. Пырьева, актрис Любовь Орлову, Марину Ладынину, актера Бориса Андреева и некоторых других. Видимо, к этим именам справедливо причислить и мое – имя детского писателя.

Двадцать второго мая 1941 года в Кремле состоялся правительственный прием по случаю первого присуждения Сталинских премий.

По окончании приема ко мне подошел человек в штатском и предложил последовать за ним. Мы прошли через Георгиевский зал и очутились в небольшой гостиной. Здесь уже находились писатели А. Корнейчук, Н. Вирта, кинорежиссер Г. Александров с Любовью Орловой. Помнится, был еще С. Герасимов с Тамарой Макаровой.

Нас принимал Сталин.

Сталин: Давайте посмотрим с вами один фильм! Он называется «Если завтра война». Располагайтесь, товарищи!

Мы разместились в креслах. Погас свет. Зажегся киноэкран. После просмотра довольно посредственного фильма в гостиной появился А. Жданов. Между присутствующими завязалась беседа.

Вирта: Товарищ Сталин! А как выдумаете, будет война?

Сталин (*сухо*): Вы, товарищ Вирта, занимайтесь своим делом, а мы будем заниматься своим.

Корнейчук: Товарищ Сталин! Вы бы не могли поручить мне какую-нибудь ответственную работу?

Сталин: Посмотрим, товарищ Корнейчук.

Я в разговор не вступал. Впервые я видел Сталина так близко, что мог дотронуться до него рукой. Этого было для меня достаточно.

Тем временем Жданов сел за рояль. Начались танцы.

Воспользовавшись паузой, Сталин подошел к роялю и сказал что-то Жданову. Тотулыбнулся и заиграл частушечную мелодию. Сталин вполголоса, но так, что я его хорошо слышал, пропел несколько нецензурных русских частушек.

Ровно через месяц началась Великая Отечественная война.

Корнейчук получил назначение в МИД СССР на пост заместителя министра.

Что хотел сказать нам Сталин, пригласив на просмотр фильма с таким названием? Почему он пригласил именно нас? Это так и осталось для меня загадкой.

На примере собственной литературной судьбы у меня сложилось представление о том, что большинство людей рождаются с задатками каких-либо способностей. Важно только, чтобы среда, в которую попадает человек, способствовала их выявлению. Любая способность может превратиться в дарование, если ее вовремя доброжелательно заметить, точно направить и разумно поддержать. Но направлять и поддерживать – это тоже талант, доступный не всем. Мы знаем, как иные доброжелательные литераторы, стремясь выпестовать молодого автора, начинают дописывать, «дотягивать» его слабые произведения вместо того, чтобы помочь начинающему понять, в чем слабость его творений. Если автор не дает себе труда исправить недостатки самостоятельно, а с удовольствием принимает в подарок чужие строчки, мысли и образы, он ничему не научится и повторит свои ошибки. Если же начинающий литератор вам заявляет, что ему легче написать новое произведение, чем исправить уже написанное, знайте, что он безнадежен, – писателя-профессионала из него не выйдет.

Сколько мы знаем одаренных художников, которые пишут посредственные пейзажи или натюрморты, в то время как пафос их дарования – в сатирическом жанре! Как часто артист, обладая острокомедийным талантом, мнит себя на сцене героем-любовником. Один из любимых и прославленных актеров, будучи юношей, пришел в Московский Художественный театр держать экзамен. Он читал, конечно, то, что ему казалось наиболее выигрышным, – героическое стихотворение «Человек», начинавшееся следующими строками:

Пусть перл создания Ты, могучий царь творенья,
Кто дал Тебе венец твой золотой?

Представляете эти стихи, полные ложного пафоса, в исполнении... Михаила Михайловича Яншина, ибо речь идет именно о нем. Явное несоответствие характера произведения и данных исполнителя было настолько разительным, что экзаменаторы во главе с Лужским дружно засмеялись и попросили Яншина прочитать басню Крылова. Она-то и помогла увидеть яркое комедийное дарование этого актера Божьей милостью. Все сказанное имеет прямое отношение к автору этих строк. В двадцать лет я писал стихи для взрослых – довольно посредственные стихи. Одни были немного лучше, другие – немного хуже. Они публиковались в газетах и журналах, но все это был, так сказать, поэтический «середняк». Это я понимал.

* * *

С Самуилом Яковлевичем Маршаком я познакомился в середине тридцатых годов.

Пионерский отдел Московского комитета комсомола предложил мне принять участие в конкурсе на пионерскую песню. С комсомольской путевкой в кармане я выехал в один из пионерских лагерей Подмосковья, где прожил с ребятами около месяца. Вместе с ними ходил в походы, купался, удил рыбу, зажигал пионерские костры.

По возвращении я написал несколько песен и, совершенно неожиданно для себя, несколько веселых стихов, которые отнес «на пробу» в редакцию журнала «Пионер». Редактором журнала был талантливый писатель и журналист, один из неутомимых организаторов детской литературы Борис Ивантер (погиб на фронте в первые же месяцы войны).

Мои стихи «Три гражданина» Ивантеру понравились, и они появились на страницах журнала. Успех меня окрылил. Теперь я дерзнул сочинить целую поэму для ребят. Это был первый вариант «Дяди Степы».

Прочитав поэму, Ивантер мне сказал:

– Ну вот! Теперь мы начали всерьез писать для детей. Надо бы вас познакомить с Маршакom.

Маршак жил в Ленинграде. И вот редакция «Пионера» командирует меня с рукописью «Дяди Степы» на консультацию к Маршаку. Это была вторая в моей жизни творческая командировка. Признаться, не без душевного трепета вошел я в здание ленинградского Дома книги на Невском проспекте, где в нескольких тесных комнатах размещалась редакция детского отдела, возглавляемого С. Маршаком.

Высказав мне несколько точных, проницательных суждений, он обычно добавлял в конце:

– И никогда не забывайте, голубчик, что по книгам детских писателей ребенок учится не только читать, но и говорить, мыслить, чувствовать.

«Друг мой Маршак!» – так говорил о Самуиле Яковлевиче Горький.

Со смертью Самуила Яковлевича Маршака опустел капитанский мостик большого корабля советской детской литературы. Но корабль уверенно продолжал свой путь по солнечному курсу, по-прежнему открывая детям чудесные архипелаги Новых стихов, Новых повестей, Новых сказок.

Мы знали бойца – Маршака,
И вдруг его рядом не стало —
Упал знаменосец полка,
Но знамя полка не упало!

Бойцы продолжают поход,
На знамени солнце играет.
Маршак с нами рядом идет:
Поэзия не умирает!

* * *

Мне не забыть Корнея Ивановича Чуковского, который, узнав о том, что я награжден орденом Ленина (1939 г.), приехал ко мне домой, чтобы поздравить с высокой наградой. Веселый и озорной Мойдодыр, добрый и мудрый Айболит, Корней Иванович отличался от Маршака большей академичностью и несколько меньшей общественной активностью. Оставаясь кумиром для всех поколений малышей, он последние десятилетия мало писал для них, посвятив себя главным образом литературоведческой работе, однако его выступления по вопросам и проблемам детской литературы, его уникальная книга «От двух до пяти» навсегда останутся яркими страницами истории «суверенной державы» – литературы юного поколения.

Последнее время Корней Иванович жил в подмосковном дачном поселке писателей Переделкино, наезжая в Москву только по самым неотложным делам. Он вел жизнь литератора-грузеника, начиная свой рабочий день чуть ли не с восходом солнца. Незванных гостей

он умел со свойственной лишь ему одному лукавой учтивостью вовремя выпроваживать за ворота, однако с приглашенными был неизменно радушен и остроумен.

Многие годы Чуковский вел своеобразный дневник-альбом автографов, известный под названием «Чукоккала». Заполняя его записями, стихами, пародиями и рисунками своих современников, чем-либо заинтересовавших его на жизненном пути. Попастъ на рукописные страницы этой книги считалось честью.

Восемнадцатого апреля 1937 года, при очередном посещении дома Чуковских, мне была предоставлена возможность записать что-либо в «Чукоккале». И вот что я написал:

Я хожу по городу,
длинный и худой,
неуравновешенный,
очень молодой.
Ростом удивленные,
среди бела дня
мальчики и девочки
смотрят на меня.
На трамвайных поручнях
граждане висят.
«Мясо», «Рыба», «Овощи» —
вывески гласят.
Я вхожу в кондитерскую,
выбиваю чек.
Мне дает пирожное
белый человек.
Я беру пирожное
и гляжу на крем,
на глазах у публики
с аппетитом ем.
Ем и грустно думаю:
через тридцать лет
покупать пирожное
буду или нет?
Повезут по городу
очень длинный гроб.
Люди роста среднего
скажут: он усоп.
Он среди покойников
вынужден лежать,
он лишен возможности
воздухом дышать.
Пользоваться транспортом,
надевать пальто,
книжки перечитывать
Агнии Барто.
Собственные опусы
где-то издавать,
в урны и плевательницы
вежливо плевать.

Посещать Чуковского,
автора поэм,
с дочкой Кончаловского,
нравящейся всем.
Я прошу товарищей
среди бела дня
с большим уважением
хоронить меня.

Естественно, подобные стихи можно было написать только в том возрасте, в каком я пребывал в первые годы моего знакомства с Корнеем Ивановичем Чуковским.

С гордостью храню я письмо мудрого Корнея, в котором он пишет:

«...Я с большим волнением прочитал, не отрываясь, всю Вашу книгу «Вчера, сегодня, завтра...». Раньше всего я прочитал те классические стихотворения, которые знают наизусть с самого дня их рождения... и бессмертного «Дядю Степу»».

* * *

Москва. Малый Черкасский переулок, дом № 1. Третий этаж. Это – Детгиз. Детиздат, издательство «Детская литература».

Отсюда в 1936 году вышел и зашагал по свету изданный отдельной книжкой с рисунками А. Каневского мой «Дядя Степа». Здесь я свел знакомство и завязал дружбу с неумным и легендарным, самым юным командиром полка времен гражданской войны – Аркадием Гайдаром. Здесь в коридоре издательства я впервые был представлен тогда уже популярной детской писательнице Агнии Барто и почтительно пожал руку познавшему тайны природы волшебнику слова Михаилу Пришвину.

Созданное при непосредственном участии М. Горького и руководимое в разные годы талантливыми организаторами и издателями детской книги, издательство детской литературы стало в ряд крупнейших издательств мира, выпуская из года в год многомиллионными тиражами лучшие произведения русской, национальной и мировой классики, современных советских и зарубежных авторов.

С благодарностью вспоминаю и энергичную и волевою женщину, Людмилу Викторовну Дубровину. Сменив военный китель на гражданское платье, она возглавила после войны самое мирное учреждение на свете – Детиздат. Я высоко ценю ее доверие ко мне.

Особое уважение и признательность вызывает у меня образ другого фронтовика, тяжело раненного в боях, бывшего минометчика, Константина Федоровича Пискунова. Он двадцать шесть лет руководил издательством. Человек исключительной скромности и большого личного обаяния, беззаветно преданный любимому делу, он удачно сочетал в себе деловые и моральные качества умелого администратора и вдумчивого, талантливого воспитателя не только вверенного ему коллектива редакторов, но и многих литераторов и художников, ставших впоследствии известными писателями и иллюстраторами книг для детей. Я редко встречал человека, который мог бы так искренне радоваться и считать для себя праздником каждую новую творческую удачу молодого, начинающего или уже маститого, признанного автора. Многие из нас обязаны его вниманию, его советам и дружеской принципиальной критике, продиктованной лишь одним желанием: подарить ребенку новую, добротную книжку!

* * *

Осенью 1939 года я был призван в армию и участвовал в походе наших войск в Западную Украину. Это явилось началом моей литературной деятельности военного писателя-корреспондента.

Двадцать второго июня 1941 года я с группой литераторов находился в Риге. Услышав рано утром сообщение о том, что нужно ждать важных известий – выступления Молотова, я тут же покинул гостиницу и первым же поездом уехал в Москву. Я понял: вот-вот начнется война, если уже не началась, потому что услышал по радио на немецком языке фразу: «Всем судам немедленно вернуться в порты своей приписки».

Бомбили станцию Даугавпилс, но наш состав благополучно ее проскочил.

Двадцать седьмого июня по предписанию ГЛАВПУРа я выехал на южный фронт. Мне 28 лет. Я получил назначение в редакцию армейской газеты 22-й армии, позднее попавшей в окружение.

– Почему не в одну из центральных газет? – возмущаюсь я.

– От службы не отказывайся, на службу не навязывайся! – говорит мне мать, провожая на войну.

В Виннице меня перехватывает редакция фронтовой газеты «Во славу Родины». Приказом Политуправления меня зачисляю в штат ее сотрудников. В Одессе я контужен во время налета вражеской авиации.

* * *

Мы познакомились накануне, на одном из последних спектаклей одесского Театра оперетты, понравились друг другу, и вот мы одни, в полутемной большой комнате старинного особняка, душным июльским вечером, при раскрытых во двор окнах, за которыми звездное небо над притихшим приморским прифронтовым городом.

– Знаешь, – полушепотом говорит мне Марина, – больше всего я боюсь, что достанусь немцам. А потом они меня убьют, когда узнают, что я дочь бригадного комиссара... Оставайся сегодня у меня. Кто знает, что будет завтра...

Я глажу ее теплую, девичью руку и молчу. Я вспоминаю жену Наташу. Ее прекрасное заплаканное лицо и прощальный поцелуй. Ее крестное знамение, которым она меня благословила при последнем «Я буду тебя ждать!».

Я поднимаюсь, обнимаю девушку, прижимаю ее голову к своей груди.

– Завтра! Приходи ко мне завтра в гостиницу «Красная», – говорю я. – Спросишь внизу меня. Нет, лучше я встречу тебя у подъезда, на улице. Пойдем к морю...

– Я приду! – шепчет она и целует меня в губы...

...Пять. Пять с половиной... Шесть без четверти... Шесть! Она не пришла.

– Кого ты тут поджидаешь? – не без намека спрашивает меня капитан Друз.

– Назначил свидание одной прекрасной незнакомке! – в тон заданного вопроса отвечаю я.

– Не пришла, значит, и не придет! – уверенно парирует капитан. – Пошли к морю! Подышим!

Мы идем по Пушкинской улице вниз, в сторону набережной. И вдруг до меня доносится едва уловимое шмелиное гудение. Я непроизвольно поднимаю голову и вижу заходящее на большой высоте с моря на город звено немецких самолетов. И в тот же момент сливаются в одно свист и разрывы бомб, вой сирен, стрельба зениток, грохот разрушающихся зданий, и нет уже ни солнца, ни света...

Взрывная волна бросает меня на землю. Что-то рушится, падает, бьет меня по спине, по животу. В рот набивается известковая пыль. И так же внезапно все стихает. Я слышу отбой «воздушной тревоги» и начинаю ощущать себя. И тут я замечаю, что моя гимнастерка, мои брюки в теплой крови.

Первая мысль: если ранен в живот – застрелюсь!

Достаю пистолет. Еще раз ощупываю себя. Нет, я не ранен. Это не моя кровь. Это кровь капитана Друза. Он мертв.

Я выбираюсь из-под обломков стены разрушенного здания, возле которого нас застал налет. Бреду с пистолетом в руке назад, по Пушкинской улице. И тут я вижу ее! Она лежит на асфальте, раскинув руки. Я узнал ее по зеленой кофточке, в которой она была в театре...

Она боялась, что ее убьют немцы. Они убили ее... Если бы Марина не опоздала ко мне на свидание 22-го июля 1941 года!

Вместе с редакцией отступаем до Сталинграда. После контузии, новым приказом Политуправления меня переводят в редакцию центральной газеты Военно-воздушных сил Красной Армии «Сталинский сокол», где я служу до конца войны. За выполнение заданий командования меня награждают орденами «Красной звезды» и «Красного Знамени».

Работа в военной печати сблизила меня с такими видными журналистами, как Николай Кружков и Габриэль Эль-Регистан.

В газете «Во славу Родины» работали вместе со мной известные писатели – Борис Горбатов, Константин Паустовский, Илья Френкель, Николай Кружков, Владимир Поляков. Некоторые из них уже побывали на Карельском перешейке. В «Сталинском соколе» был не менее авторитетный писательский коллектив: братья Тур, Натан Рыбак, Габо Эль-Регистан.

Выполняя задание командования, я писал очерки, заметки, а также стихи и юмористические рассказы, тексты к политическим карикатурам и листовки. Мы, армейские журналисты, не просили у редактора двух недель для того, чтобы написать стихотворение или очерк. Мы писали, сидя где-нибудь на пенке в лесу или в землянке, все, что тогда было нужно нашему читателю в солдатской шинели. И пусть не многое из того, что в те годы написано, осталось жить в наших авторских сборниках, но это была великолепная школа оперативности, внутренней собранности, воспитания чувства ответственности и медленного, трудного, капля за каплей, накопления опыта.

Здесь уместно вспомнить известное суждение А. Пушкина: «Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство: не думаю. Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных».

Памятна мне морозная ночь на полевом аэродроме, когда я с непередаваемым волнением провожал на боевое задание моих друзей – летчиков Северо-Западного фронта, вылетавших в партизанский край. На борт самолета грузили пачки сочиненных мной листовок. Помню их заголовки: «Пусть не дрогнет твоя рука!», «Ты победишь!», «Не быть России покоренной!».

...Забудь сегодня слово «жалость»
И ненависть зажги в груди.
Враги сильны. И их осталось
Еще немало впереди.

Так бей врага без сожаленья,
Не пощади и не прости.
К несовершенным преступлениям,
К еще не тронутым селеньям

Орду убийц не допусти!

Нам ночи жгла зола пожарищ,
Дым пепелищ слепил глаза,
Но не от дыма мне, товарищ,
Зрачок туманила слеза.

И нам с тобой забыть едва ли,
Как на асфальте площадей
Мы жертвы с виселиц снимали
И в детских лицах узнавали
Черты родных своих детей.

Вот почему мы твердо знаем.
За что деремса на фронтах,
За что ночей не досыпаем
В сырых, холодным блиндажах.

Шагами меряем болота,
Сеем, мерзнем, устаем
И неприступные высоты
Своими жизнями берем.

Представляя в 1942 году на Северо-Западном фронте редакцию центральной газеты Военно-воздушных сил Красной Армии «Сталинский сокол», я подружился с коллективом фронтовой газеты «За Родину» и не раз выступал на страницах этой газеты.

В конце лета военные летчики вывозили из партизанского края осиротевших детей. Вместе с корреспондентами фронтовой газеты и я поехал на полевой аэродром встречать сирот.

Среди детей была дочь зверски замученного фашистами учителя из села Быстрый берег Белобелковского района Валя Петрова, двух с половиной лет. Фотокорреспондент П. Бернштейн сделал снимки. Когда снимки были отпечатаны, я попросил его дать мне портрет Вали Петровой, и девятого сентября 1942 года он появился на первой полосе фронтовой газеты Северо-Западного фронта «За Родину» с моими стихами:

Посмотри хорошенько на этот портрет
Русской девочки двух с половиной лет.
Быстрый берег – лесная деревня звалась,
Та деревня, где жизнь у нее началась,
Где ее молодая крестьянская мать
Научила ходить и слова понимать,
Где ее Валентиной с рожденья назвали.
Где росла она, русская девочка Валя.
Посмотри хорошенько на этот портрет
Русской девочки двух с половиной лет.
Шоколадом маня, подзывая к себе,
Немец бил ее плетью, ночуя в избе.
Поднимал над землею за пряди волос,
Вырвал куклу из рук и с собою унес.
Это немцы ее «партизанкой» назвали.

Это немцы отца у нее расстреляли.
Разве сердце не скажет тебе: «Отомсти!»?
Разве совесть не скажет тебе: «Не прости!»?
Слышишь, матери просят: «Она не одна!
Отомсти за таких же других, как она!»
Посмотри и запомни, товарищ, портрет
Этой девочки двух с половиной лет!

В ходе наступательной операции 4-го Украинского фронта по освобождению Крыма 2-я гвардейская армия восьмого апреля 1944 года освободила город Армянск. В это время мы с Эль-Регистаном находились при штабе 17-й Воздушной армии в Аскании Нова.

Одиннадцатого апреля 19-й танковый корпус с ходу взял Джанкой и пошел на Симферополь. Вслед за танками тем же путем двинулись и мы на нашем «джипе», в сопровождении двух автоматчиков.

По всему фронту развернулось преследование отступающего противника. Немецкие и румынские войсковые соединения были деморализованы. Отрезанные друг от друга и потерявшие связь войска плохо ориентировались в положении на фронте.

– Давай свернем налево к тому населенному пункту! – предложил я Габо, когда мы остановились на перекур.

Недолго думая, мы сошли с основной трассы, по которой еще утром прошли наши танки, и вскоре оказались на тихой окраине населенного пункта. Через несколько минут мы выскочили из переулка на небольшую площадь и резко затормозили – площадь кишела солдатами в зеленых шинелях. Группа румынских офицеров обратила на нас внимание.

Что делать? Еще мгновение, и мы в руках противника!

– Не глуши мотор! – только успел сказать Габо водителю, когда к нам уже приблизился пожилой румынский офицер.

Не успел он раскрыть рот, как Габо огорошил его по-французски:

– Какая часть? Кто командир?

Офицер растерянно, тоже по-французски, отрапортовал. Он хотел что-то спросить, но Габо приложил руку к козырьку и толкнул локтем водителя, тот понял, дал полный газ, и мы рванули в тот же переулок, из которого только что вынырнули. Одеты мы были в меховые летние куртки, на головах офицерские фуражки с «крабами». Только при внимательном рассмотрении можно было на них заметить красные звездочки. Наши солдаты были в плащ-палатках. А армянин Эль-Регистан был сам похож скорее на румына, чем на советского офицера. Его смелость и находчивость помогли нам избежать в лучшем случае плена.

– Это надо отметить! – сказал Габо, доставая флягу. И мы ЭТО достойно отметили по пути в Симферополь.

Через два дня столица Крыма была освобождена.

* * *

Официально Вена была взята тринадцатого апреля 1945 года. Четвертая Гвардейская армия под командованием генерал-полковника Н. Захватаева вела уличные бои, когда одиннадцатого апреля мы с Эль-Регистаном, в сопровождении двух автоматчиков, искали в аристократическом квартале Пратер место для ночлега.

Небольшие комфортабельные особнячки, покинутые наспех бежавшими хозяевами, зияли раскрытыми окнами. Двухспальные кровати, казалось, хранили еще тепло человеческих тел. Подушки пахли дорогими лосьонами. Предметы дамского туалета были разбросаны по

комнатам. В шкафах висели немецкие военные мундиры с орденскими колодками вперемежку с вечерними дамскими платьями.

В одном из домов мы наткнулись на полулежавшего в кресле мертвого военного в форме войск «СС». У его ног на ковре валялся офицерский «Вальтер». На тахте, лицом вниз, лежала убитая выстрелом в висок молодая обнаженная женщина.

Видимо, не надеясь спастись бегством от стремительно наступавших гвардейцев Захватаева, эта немецкая пара покончила жизнь самоубийством.

Мы заняли соседний дом. На той же улице остановился и член Военного Совета армии генерал-майор Дмитрий Трофимович Шепилов.

Утром мы зашли к Шепилову. В одной из комнат наше внимание привлекла горка с коллекцией охотничьих ружей. Заядлый охотник, Эль-Регистан не удержался от восклицания:

– Дмитрий Трофимович! Да тут ведь у нас целый клад! Вам повезло! Смотрите, какие ружья! Какие трофеи!

– Я не занимаюсь на войне барахольством! – твердо ответил Шепилов.

В отличие от известных нам фронтовых генералов, Шепилов брезговал добыванием трофеев в освобождаемых от фашистов городах.

Из книги «Что такое счастье»³

Дары судьбы

Каким я был в двадцать три года, когда только-только входил в писательскую среду? Бедным и беззаботным, ездил по Москве на велосипеде, гулял в сандалиях на босу ногу и без усталости сочинял стихи. Их уже начали печатать, и я поступил в Литературный институт, а по совместительству устроился в отдел писем газеты «Известия», изредка публикуя свои вирши и на страницах этой уже в те времена солидной газеты.

Конечно, аскетом, полностью отрешенным от мирских удовольствий, этаким «синим чулком» в брюках, я тоже не был. Молодость брала свое, мы с друзьями нередко застольничали, хотя и скромно по недостатку средств. Но поскольку этот вид развлечений весьма популярен в писательской среде, порой приобретая форму недуга, то сразу хочу сказать, что в роду Михалковых никогда не было, нет и, надеюсь, впредь не будет людей, не знающих меры по части рюмочных удовольствий. Это в полной мере относится и ко мне самому. В молодости я любил и умел быть навеселе, но знал меру – никогда и никто не видел меня в состоянии опьянения. Так было и в зрелые годы, да и сейчас я изредка поднимаю бокал, когда этому благоприятствует семейная или товарищеская обстановка.

Ну и конечно, кто в двадцать три года не ухаживает за девушками!

Помню, в Литинституте училась девушка по имени Светлана, к которой я испытывал нежные чувства, к сожалению, безответные. Однажды, пытаясь завоевать ее благорасположение, я сказал, что написал стихотворение, которое хочу посвятить ей лично. Причем поклялся напечатать его в завтрашнем же номере «Известий». Светлана, конечно, не приняла мои заверения всерьез. Зато я отлично знал, что делал, и вовсе не собирался нарушать клятву: стихотворение уже стояло в завтрашнем номере газеты, и мне оставалось лишь дошагать до «Известий» – совсем неподалеку! – чтобы изменить название стихотворения: первоначально оно называлось «Колыбельная», а я переделал его на «Светлана» и вставил это имя в текст.

На следующий день стихотворение было опубликовано – с соответствующим посвящением. Но этот «поэтический подвиг» не оказал никакого влияния на мои отношения со светловолосой Светланой. Тем не менее хочу привести его здесь, поскольку считаю его в художественном смысле удачным, оно нежное, лирическое, к тому же эта история имела самое неожиданное продолжение. Благодаря тому случаю я приобрел еще одного почитателя своих стихов, причем отнюдь не рядового.

СВЕТЛАНА

Ты не спишь,
Подушка смята,
Одеяло на весу...
Носит ветер запах мяты,
Звезды падают в росу.

На березах спят синицы,
А во ржи перепела...
Почему тебе не спится?

---

³ Сергей Михалков. Что такое счастье. – М.: «Эксмо», 2007.

Ты же сонная легла!

Ты же выросла большая,
Не боишься темноты...
Может, звезды спать мешают?
Может, вынести цветы?

Под кустом лежит зайчиха,
Спать и мы с тобой должны.
Друг за дружкой Тихо-тихо
По квартирам ходят сны.
Где-то плещут океаны,
Спят медузы на волне.
В зоопарке пеликаны
Видят Африку во сне.
Черепаша рядом дремлет,
Слон стоит, закрыв глаза,
Снятся им родные земли
И над землями гроза.

Ветры к югу повернули,
В переулках – ни души,
Сонно на реке Амуре
Шевельнулись камыши,
Тонкие качнулись травы,
Лес как вкопанный стоит...

У далекой
У заставы
Часовой в лесу не спит.
Он стоит —
Над ним зарницы,
Он глядит на облака:
Над его ружьем границу
Переходят облака.
На зверей они похожи,
Только их нельзя поймать...

Спи. Тебя не потревожат.
Ты спокойно можешь спать.
Я тебя будить не стану:
Ты до утренней зари
В темной комнате,
Светлана,

Сны веселые смотри.
От больших дорог усталый,
Теплый ветер лег в степи.
Накрывайся одеялом,

Спи...

Да, ни само стихотворение, ни специальное посвящение, ни удивительная быстрота, с какой оно было опубликовано, – ничто не произвело впечатления на предмет моего тогдашнего обожания. Но совершенно неожиданно этим стихотворением заинтересовался другой читатель. Меня пригласили в ЦК КПСС, и некий весьма ответственный сотрудник сообщил, что стихотворение понравилось товарищу Сталину, который поручил встретиться с поэтом, узнать, в каких условиях он живет, и, если потребуется, оказать ему помощь.

Видимо, вожди тоже подвержены отцовским чувствам: дочь Сталина звали Светланой, и он принял мое лирическое стихотворение близко к сердцу.

Поскольку эта глава названа мною «Дары судьбы», то читатель вправе подумать, будто тот случай я отношу к разряду неких судьбоносных подарков. Однако в действительности это не так. В моей долгой жизни много было подобного рода случайных удач – когда не надеясь ни на что, вдруг пожинаешь успех, и наоборот, роковых неудач – когда кажется, что вот-вот на тебя посыплется манна небесная, а на самом деле все оборачивается провалом. Такого рода случайные удачи я никогда не относил к подаркам судьбы, считая их обыкновенным везеньем и с усмешкой вспоминая при этом знаменитые слова, приписываемые то ли Гарибальди, то ли Наполеону: «Нет великого человека без везенья».

Но были в моей жизни и настоящие дары судьбы.

Один из них – встреча с Наташей Кончаловской, моей будущей женой, с которой мы прожили пятьдесят три года и были счастливы.

Наталья Петровна Кончаловская – внучка великого русского художника Василия Сурикова и дочь другого замечательного художника Петра Петровича Кончаловского.

Когда Ермак шел с Дона завоевывать Сибирь, в его отряде был казачий есаул по фамилии Суриков. Этот казачий род Суриковых поселился в Сибири и нес караульную службу. А в 1878 году потомок ермаковского есаула, ставший великим русским художником, Василий Иванович Суриков женился на француженке Елизавете Шарэ, жившей в Петербурге. От этого брака родилась Ольга Васильевна Сурикова, моя будущая теща, у которой неожиданное смешение кровей проявилось в сочетании «суровой твердости сибирских казаков с тонкостью восприимчивости и деликатностью предков французов». Именно так впоследствии писала о своей матери Наталья Кончаловская.

Отец Наташи художник Петр Кончаловский был сыном Петра Петровича Кончаловского, который возглавлял книжное издательство. Кончаловский-старший был человеком высокообразованным, дружил с Поленовым, Суриковым, Репиным, Васнецовым, Серовым, Врубелем, Коровиным. Его дом считался в Москве одним из очагов русской культуры, и именно здесь однажды познакомились Оля Сурикова и Петя Кончаловский, который впоследствии стал известным русским художником. Вскоре они поженились, и в 1903 году у них родилась дочь Наташа, моя будущая супруга.

Она была старше меня на десять лет и имела пятилетнюю дочь Катю от первого брака. Красивая зрелая женщина, Наташа уже успела пожить несколько лет в Америке со своим первым мужем. Ее брак с двадцатитрехлетним юношей явился полной неожиданностью как для ее родителей, так и для многих друзей.

Вокруг нее всегда кружился народ, в том числе и поклонники. За ней ухаживали и добились ее благосклонности известные московские художники, поэты – среди них горячий, талантливый Павел Васильев. Одно из его стихотворений так и называется «Наталье».

Надо честно признаться: Наташа не хотела выходить за меня замуж – ее конечно же сбивала с толку разница в нашем возрасте. Но я ее любил, и она меня любила.

Наташа с детства получила отменное воспитание и образование. По ее воспоминаниям я знаю, что она «с младенчества привыкла шаркать по каменным плитам соборов и резным

паркетам знаменитых галерей». Это сохранилось в ней до преклонных лет. Ее шарм был особого свойства, в нем словно присутствовал аромат давно ушедшего времени. Он ощущался во всем: в манере держать себя, в речи – чистой, безукоризненно грамотной, даже в интонации. Окруженная множеством поклонников, она вышла замуж за Алексея Богданова, сына крупного чаеоторговца. При советской власти в 1928 году его направили представителем «Армторга» в Америку – вместе с ним уехала и Наташа. Она присылала родителям десятки писем, и одно из них я воспроизведу – во-первых, чтобы показать богатый внутренний мир автора этого письма, во-вторых, чтобы не очень-то обольщались современные нувориши, которые взхлеб восторгаются низкопробными образцами заокеанской культуры, а нашу культуру, русскую, ни во что не ставят.

В том письме Наташа писала:

«Сейчас у меня такой сумбур в голове, что я ничего не соображаю. Тут еще сыграло роль то, что у американцев все страшно бестолково устроено, например, рядом с рубенсовской картиной развешана такая американская пакость, что прямо стыдно смотреть. Вкуса у американцев нет совершенно, и они скверно воспитаны. Наши русские воспитаны много лучше... До чего же американцы тупы в музыке и до чего у них музыка бездарна, везде одни фокстроты. Вообще Америка так бедна в отношении искусств, так бездарна, что здесь тяжело жить. Здесь ничего не ценят, кроме долларов. В Нью-Йорке улицы по номерам, словно неживые. У каждой улицы должно быть название, тогда она живая, например, Кривой переулок, Кузнецкий мост, Неглинка или даже шоссе Энтузиастов. А здесь номера... И во главе всего – доллар. Ужасная страна, и здесь все общие интересы настолько мелки, что они невольно тащат книзу, а не кверху. Грустно и противно, когда наглотаешься этой гадости, и страшно хочется уехать».

За полвека нашей совместной жизни Наталья Петровна в целом не изменила своего отношения к заокеанскому образу жизни, хотя и признавала, что отдельные достижения высокой культуры в Америке есть. Но, повторяю, сам американский образ жизни был чужд ей, воспитанной на великих ценностях русской культуры, знакомой с шедеврами европейских музеев. Дочь и внучка больших художников, она была очень взыскательна. И это относилось не только непосредственно к культуре, но и к ее носителям – к людям.

А люди ее с юности окружали незаурядные. В дом Петра Петровича Кончаловского, находившийся в Буграх, в ста километрах от Москвы, приезжали погостить немало знаменитостей. Среди них писатели Алексей Толстой и Александр Фадеев, академик Петр Капица, пианисты Владимир Софроницкий и Святослав Рихтер, режиссеры Всеволод Мейерхольд, Сергей Эйзенштейн, Александр Довженко, Сергей Герасимов, актеры Иван Москвин и Борис Ливанов. Прямо там, в Буграх, Петр Петрович писал портреты некоторых из них. Например, известный портрет Сергея Прокофьева в белом плетеном кресле в саду.

Столь изысканное общество, конечно, наложило свой отпечаток на умозрения семьи Кончаловских. И вдруг – Наташа выходит замуж за долговязого детского поэта, который на десять лет моложе да вдобавок заикается. Помню, Ольга Васильевна, моя будущая теща, познакомившись со мной, воскликнула: «Господи, мы все начнем заикаться!» В обществе как-то легче воспринимается брак, если муж значительно старше жены, чем обратный вариант... Да и Ольга Васильевна, урожденная Сурикова, как уже сказано, не слишком одобряла сложившиеся отношения своей взрослой дочери с начинающим поэтом, ездившим по Москве на велосипеде. Зато Петр Петрович Кончаловский всегда весьма радушно принимал меня в своем доме и признавался, что ему нравятся мои стихи для детей.

Как я мог горячо полюбить женщину, которая была на десять лет старше меня? А я отвечаю: «Самое главное – не глазами увидеть, все основное постигается только сердцем». Наталья Кончаловская уже при первом взгляде на нее поражала воображение – она была мила и очень обаятельна, а обаяние – это такая сила, с которой не поспоришь. Дается оно редким людям, и объяснить, что это такое, сложно. Что-то вроде гипноза? Пожалуй. Но обаятельным

может быть и очень даже некрасивый человек... А если и красота, и обаяние, и ум, и остроумие, и превосходная образованность, и воспитанность еще дореволюционная, когда понятие «интеллигентность» подразумевало доброжелательность, учтивость, радушие?! Все это было присуще Наталье Кончаловской в высшей степени. С нее глаз не хотелось спускать... А если добавить к этому, что она была веселым, искристым человеком, то меня можно понять. Все яркое, талантливое, совершенное моя Наташа принимала близко к сердцу. И если мое новое стихотворение казалось ей удачным, она могла радоваться до слез. И ее мнение было для меня годы и годы решающим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.